

«ЗАСЛОНЯЮЩИЙ ОТ БЕД И ДАЮЩИЙ ИЗОБИЛИЕ...»

Л.В. Панкратова

Реконструируется семантика и высказывается гипотеза о происхождении западно-сибирских орнаментальных бордюров с окаймлением, организованных по строгим формальным правилам, использующимся в языковых текстах при создании палиндромов. Предполагается, что бордюры-палиндромы в восприятии древних аборигенов Западной Сибири символизировали пространство, обладающее способностью удерживать живые сущности. Орнаменты использовались как апотропеи. Предполагается, что эволюция узора тесно связана с технологическими приемами плетения.

Орнаментика, палиндром, жизненная сила, плетение, сакральность.

На обширном пространстве от нижнего течения Оби на севере до Верхней Оби включительно на юге, от междуречья Оби и Енисея на востоке и до правобережья среднего течения Иртыша и его левых притоков в устьевой зоне на западе локализовалась в раннем железном веке кулайская культурно-историческая общность (конец IV в. до н.э. — V в. н.э.) [Чиндина, 1984, 2006]. Идентифицируется данное культурное единство по орнаментации керамики, оружию и культовой металлопластике. Орнаментика, созданная кулайцами, специфична и легко распознается в массе археологического материала. «Стандартизованность» обусловлена четким осознанием древними гончарами канонов, по которым должны воспроизводиться композиции. Формализация орнаментальных записей выявила устойчивые типы орнаментальных текстов [Панкратова, 2006–2008]. Среди них представляют интерес узоры, организованные как «правильные», ритмически повторяющиеся последовательности знаков, поскольку известно, что имеющие подобную структуру тексты культуры являются сакрально отмеченными [Топоров, 1972]. Эта особенность позволяет выявить вещи, обладающие повышенным семиотическим статусом, следовательно, отчетливо реализующие знаковую функцию.

Структурированностью и повторяемостью обладают кулайские бордюры с окаймлением. Орнаментальные записи данной категории состоят из трех и более элементов мотива, расположенных таким образом, что центральный элемент мотива занимает место между двумя и более идентичными фланкирующими элементами бордюра. Композиции представлены записями вида: *ава, авава, ававава*, реже — *авсва* (рис. 1). Каждый элемент мотива (*а, в, с*) может состоять из нескольких элементов орнамента — горизонтальных поясков оттисков штампа. Некоторые орнаментальные знаки внутри бордюра могут рассматриваться как структуры более высокого уровня — мотивы. К таким знакам относятся ряды волн, зигзагов, полос, взаимопроникающих угловки, треугольники, ромбы, а также меандроидные элементы (рис. 1, 2, 5). Аналогии структурам, подобным мотивам с окаймлением, имеются в языковых, живописных, музыкальных, архитектурных, хореографических текстах, в ритуале и т.д. [Топоров, 1972, с. 79]. В языковых текстах такие строгие формальные правила используются при создании палиндромов¹ [Бонч-Осмоловская, 2005]. Изучение мотивов данного типа на бронзовых диадемах-очельях кулайцев — предметах одной категории, изготовленных из одного материала, следовательно, имеющих аналогичные утилитарные функции и семантику, — позволило выявить тождественные орнаментальные мотивы [Панкратова, 2010]. К ним относятся бордюры, в которых в качестве центрального элемента орнамента выступает зигзаг, косые кресты, сетка, параллельные линии или свободная от орнамента зона («минус-признак») (рис. 1, 4).

Бордюры с окаймлением встречаются на кулайской керамике не часто. Например, в керамическом комплексе Саровского городища (Среднее Приобье) подобные структуры выявлены только на 10 % сосудов, а еще на 5 % посуды городища данный мотив сочетается с иными. В то же время бордюры-палиндромы можно увидеть на керамических сосудах с сюжетными композициями, а также на бронзовой металлопластике (очелья, антропоиды), бронзовых украшениях и деталях костюма (эполетообразные застёжки, поясные накладки, наконечники), изделиях из кости (гребни, детали упряжи, игольники, рукояти ножей), т.е. на предметах, имеющих в традиционных культурах региона сакральное значение (рис. 2). Аналогичные мотивы встречаются в

¹ Палиндром — слово или фраза, одинаково читающиеся слева направо и обратно.

«Заслоняющий от бед и дающий изобилие...»

археологических материалах Приобья по крайней мере начиная с эпохи неолита [Чемякин, 2008, рис. 53, 7, 8; 17, 11]. Они украшают предметы и посуду из памятников средневековья [Чиндина, 1991, рис. 6, 5; 16, 17, 20; 17, 1, 8, 13; 32, 32, 34, 35; Плетнева, 1997, рис. 19]. Орнаментами-палиндромами декорированы ритуальные предметы самодийцев, обских угров и кетов, в том числе культовые атрибуты шаманов. Иначе говоря, археологические и этнографические материалы демонстрируют взаимосвязь между предметами, имеющими высокий семиотический статус, и орнаментальными композициями, содержащими бордюры с окаймлением.

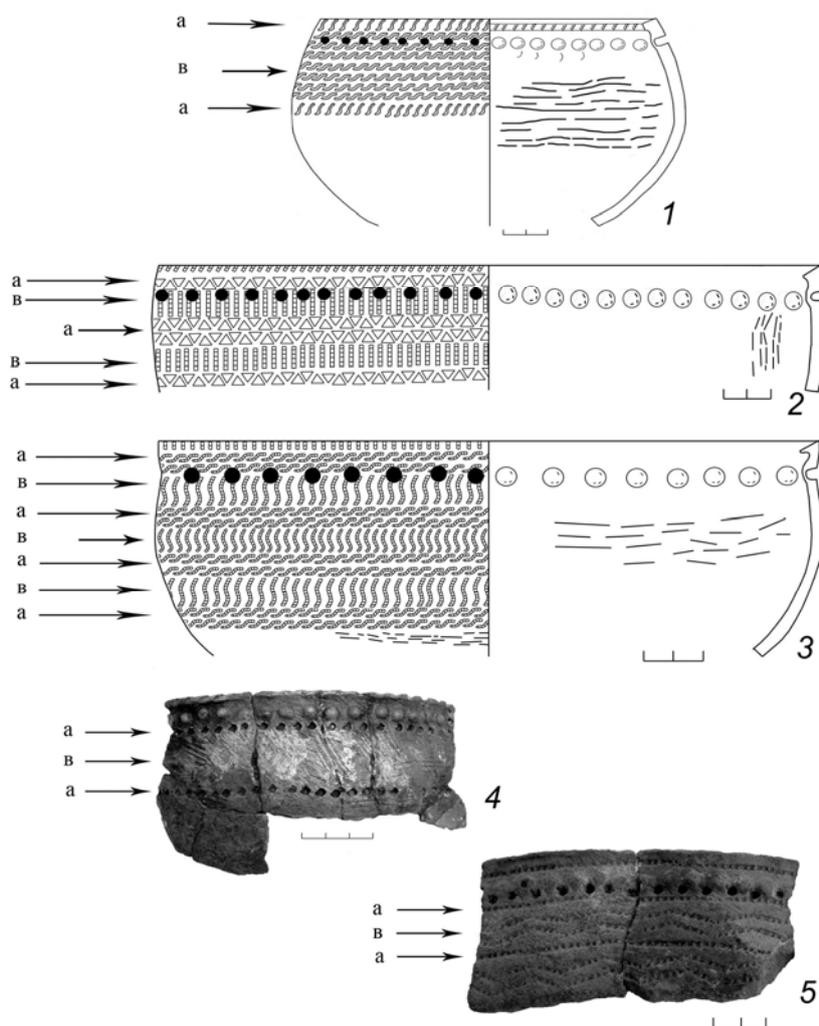

Рис. 1. Бордюры-палиндромы на керамике кулайской культуры

Известно, что палиндромы применяли в формулах и заклинаниях в пограничных и магически активных местах культурного пространства: на погребениях, у источников и дорог, в надписях на ритуальных сосудах и на порталах домов [Лотман, 1992, с. 23]. В качестве наддверного декора использовали бордюры-палиндромы и коренные народы Западной Сибири (рис. 3). Общность традиции украшения входной двери у обских угров, селькупов и кетов позволяет предположить ее глубокую древность [Рындина, 1995, с. 407]. Такие орнаменты селькупы называли «пирны/пирно», а обычай декорирования входов имел ритуальное значение [Селькупская мифология, 1998, с. 75; Хороших, Гемуев, 1980, с. 183]. Селькупы объясняли, что *пирны* имеют то же значение, что и *кава-лоз* для человека [Селькупская мифология, 1998, с. 75]. *Кавалозами* называли фигурки, напоминающие людей, которые изготавливали после смерти человека [Пелих, 1980, с. 64–66]. В составе слова *q̄baloz* представлена лексема *q̄wej*, которая, являясь прауральским наследием в самодийских языках, имеет значение «душа», «дыхание», «дух». На основе лексики самодийцев реконструированы функции души *q̄wej* в значениях «дышать»,

«двигаться в обжитом пространстве», «пребывать в чем-либо» [Ким, 1997, с. 18–24]. Определяя назначение наддверного декора через функции *кава-лоза*, селькупы, видимо, полагали, что узоры обладают особой способностью удерживать внутри себя живые субстанции (души, духов). Вероятно, мотивы-палиндромы символизируют пространство, в котором заключены жизненные сущности [Панкратова, 2010]. Такое «прочтение» бордюра не исключает, а скорее дополняет широко распространенное толкование орнамента в виде зигзага или волнистых линий как знаков воды, ведь тот же термин *qwej* селькупы использовали как географический для обозначения любой реки, в том числе Оби [Ким, 1997, с. 19]. Действительно, река является не только объектом, но и движущимся пространством, населенным живыми организмами. А в восприятии древнего населения, по-видимому, река предстает живым, активным, дышащим существом, наполненным живыми сущностями.

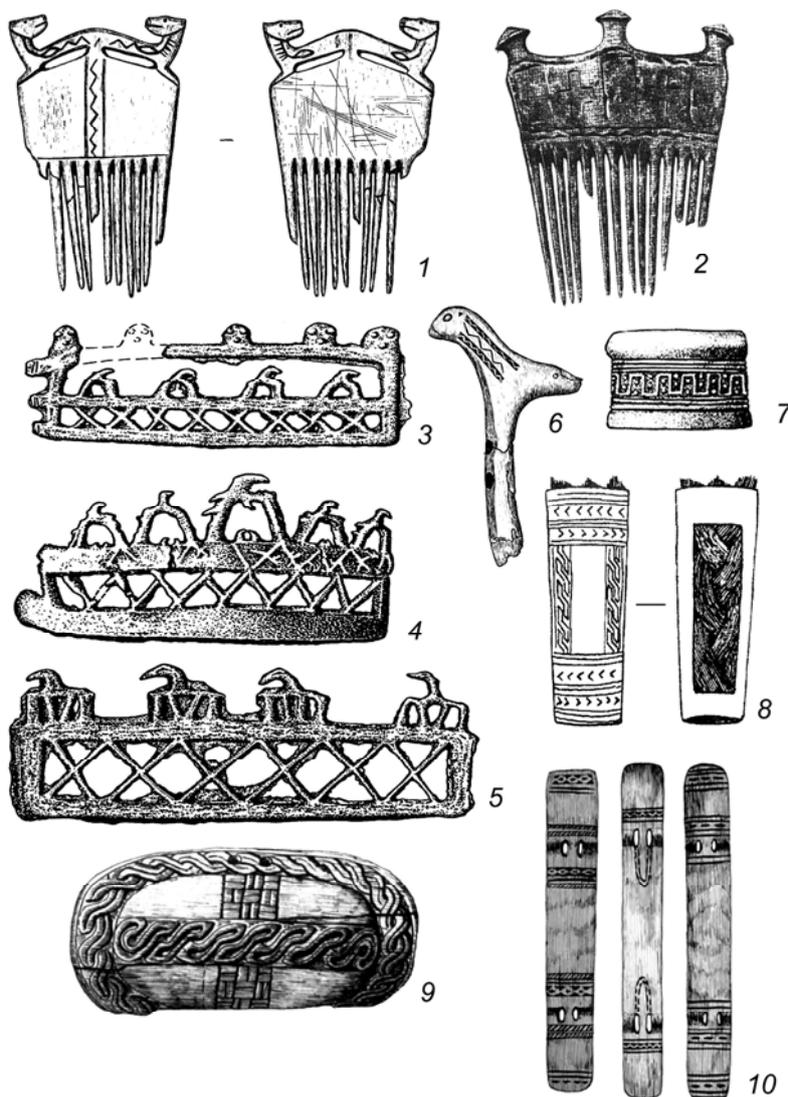

Рис. 2. Предметы из памятников кулайской культурно-исторической общности, орнаментированные бордюрами-палиндромами:

- 1 — Саровское городище, костяной гребень; 2 — роговой гребень, МАЭ (из коллекции В.С. Адрианова) (по [Мошинская, 1965]); 3–5 — Саровское культовое место, бронзовые диадемы (по [Яковлев, 2001]); 6 — Саровское городище, деталь костяной упряжи; 7 — Холмогорский клад, бронзовый наконечник ножен палаша (по [Зыков, Федорова, 2001]); 8 — Усть-Абинский могильник, бронзовый наконечник с фрагментом косы (по [Ширин, 2003]); 9 — Усть-Полуйское святилище, щиток для запястья руки (бивень мамонта) (по [Гусев, 2011]); 10 — Усть-Полуйское святилище, панцирные пластинки (рог оленя) (по [Гусев, 2011])

Известно, что в архаических и традиционных культурах то, что мы называем декоративным оформлением вещи, и она сама, ее назначение особым образом связаны. Оформление вещи не допускало никакой фантазии и было глубоко прагматичным. Вместе с тем каждая вещь, помимо утилитарной прагматики, обладала и знаковой, свойства которых комплементарны [Байбурин, 1993, с. 3, 13, 15]. Это позволяет, выявив общие функции у разных категорий вещей, сопоставлять между собой их утилитарные и символические свойства, тем самым раскрывать смыслы знаков. Сопоставление функциональности мотивов как символических ловушек жизненных субстанций с аналогичными по утилитарному назначению предметами — орудиями охоты и рыболовства — позволяет предположить, что бордюры являются их знаками, выраженными на «языке» орнамента. Еще В.Н. Чернецов писал, что орнаменты в виде зигзагов, крестов, параллельных линий в наскальных изображениях Урала и на западно-сибирской керамике вызывают ассоциацию с запорами, загородками, ловушками, рыболовными снарядами и орудиями [1964, 1971], применявшимися в охотничьем и рыболовном промысле. Такое сопоставление представляется обоснованным, учитывая, что недифференцированный, целостный характер культуры первобытных обществ базировался на специфическом способе осмысления реальности — мифологическом восприятии. Оно, являясь универсальным средством структурирования внешнего мира, предполагало тотальную упорядоченность универсума. Однообразие и ограниченный характер общественной практики обуславливали обращение к одним и тем же моделям при осмыслении качественно различных сторон реальности, порождая однотипные структуры на разных уровнях и в разных сферах мироосмысления, а это приводило к восприятию разных сторон бытия как изоморфных друг другу [Антонова, Раевский, 2002, с. 14].

Одним из технологических приемов изготовления орудий охоты и рыболовства является древнейший из способов рукоделия — плетение. Постройки, очаги, изгороди, орудия промыслов, предметы утвари, одежду, обувь, украшения, головные уборы и прически с древнейших времен человек изготавливал, переплетая ветки, кору деревьев, камыш, кожу, веревки, волосы и пр. Позднее благодаря использованию нитей и приемов кручения и вязания узлов появились самостоятельные техники плетения: качество, вязание, макраме, бисероплетение и др.

Несомненно, как и многие другие технологии, плетение имело не только производственно-хозяйственное значение, но и входило в систему сакральных знаний [Иванов, Топоров, 1974, с. 87; Топоров, 1983, с. 280; Байбурин, 1993, с. 3]. Известно, что охранные узлы с заговорами использовались как амулеты. Людей, носивших такие обереги, называли *узольниками* [Даль, 1994, т. 4, стб. 975]. *Наузить* означало колдовать, знахарить, заговаривать, нашептывать, а колдуна, ворожею или знахаря называли *наузником (наузницей)* [Даль, 1994, т. 2, стб. 1271]. Часто магические узлы оказываются симметричными (рис. 4). В них, как и в палиндромах, реализован принцип зеркального отражения, являвшийся, по-видимому, способом создания экстраутилитарных знаков культуры. Симметричным узлом, вслед за Гераклом, который завязывал им на груди шкуру убитого льва, в качестве талисмана пользовались древние греки (Гераклов, Геркулесов или прямой узел) (рис. 4, 8). Магическим этот узел считали и римляне, полагая, что рана с повязкой, закрепленной таким узлом, заживает быстрее. Им завязывали пояс невесты. Верили, что если жених быстро справится с ним, то рожденные в браке дети будут здоровыми. История знает множество других примеров, когда узлы служили средством реализации магических действий. Мешок с завязанными в нем ветрами использовал во время странствий Одиссей. Не менее известны колдовские узлы, которыми, выходя в море, запасались мореходы стран Северной Европы.

Особенной магической силой должна была обладать рыболовная сеть, состоящая из множества узлов. В качестве амулета-опояски носили кусок невода (*саил*) под платьем селькупки. Они были уверены, что *саил* является препятствием для вредоносных духов-лозов, которые не смогут пробраться к душе человека, пока не распутают все узелки сети. В качестве оберега *саил* надевали на голову домашним животным или, что особенно важно, прикрепляли вместо наддверного оберега-орнамента *пирны*.

Коренные обитатели Западной Сибири знали и использовали и другие «особые» узлы. Например, при обряде покойника остяки все завязки на его одежде соединяли «мертвым узлом» [Косарев, 1981, с. 248]. Ханты почти повсеместно завязывали узлы на одежде умершего не развязывающимся двойным узлом; вплоть до опускания в могилу связывали лентой руки и ноги покойного; доски гроба не сколачивали, а связывали корнями [Мифология хантов..., 2000, с. 94; Сирелиус, 2001, с. 229]. Селькупы же, напротив, избегали использования в погребальном

убранстве покойного каких-либо предметов, имеющих узлы и петли. Считалось, что иначе душа умершего не сможет окончательно покинуть тело покойного, «будет путаться в узелках». Вероятно, именно с этой целью одежду в нескольких местах резали по швам и никогда не надевали на покойного вязаные вещи, заменяя носки чулками, сшитыми на «живую нитку» [Головнев, Тучкова, 2005, с. 363]. Ненцы, зашивая покойника в шкуру, делали стежки наоборот [Косарев, 1981, с. 248]. Иначе говоря, завязывая или развязывая узлы, используя или, напротив, устраняя из обрядов узлы, плетеные или вязаные вещи, сибирские аборигены совершали магические действия, способные, по их мнению, верно направить жизненные субстанции усопшего для череды последующих перевоплощений.

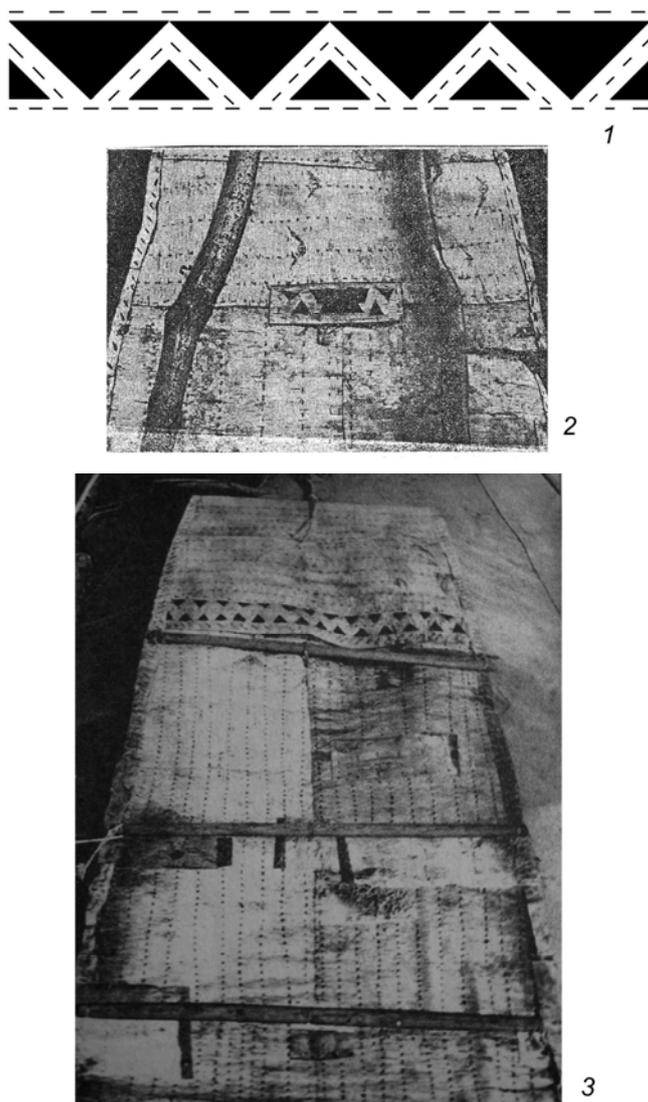

Рис. 3. Орнаменты на берестяных дверях селькупских чумов:
1 — по [Головнев, 1995]; 2 — по [Хороших, Гемув, 1980]; 3 — по [Казакевич, 2004]

Приемы техники плетения применяли для сохранения одной из «жизненных сил» человека, которая, по представлениям сибирских народов, локализовалась в волосах. Не только прически в виде кос, обычные как для мужчин, так и для женщин, были призваны удерживать жизненную энергию человека [Мифология хантов..., 2000, с. 19; Мифология манси..., 2001, с. 11]. С этой же целью носили украшения-накосники, ложные косы, бисерные ленты, цепочки, бахрому из бус, цветные веревочки и шерстяные кисти — предметы, в создании которых использовались нити, ткани, а также приемы плетения, завязывания узлов и которые внешне были похожи на ленты,

«Заслоняющий от бед и дающий изобилие...»

волосы, нити. Маленьким детям, у которых волосы еще не отросли, в качестве оберега жизненной сущности манси приклеивали смолой к голове кусочки материи от духа-покровителя — *лу-лыха* [Источники по этнографии..., 1987, с. 42]. После смерти, напротив, жизненную силу стремились освободить, поэтому ханты отрезали у покойного косы [Сирелиус, 2001, с. 138].

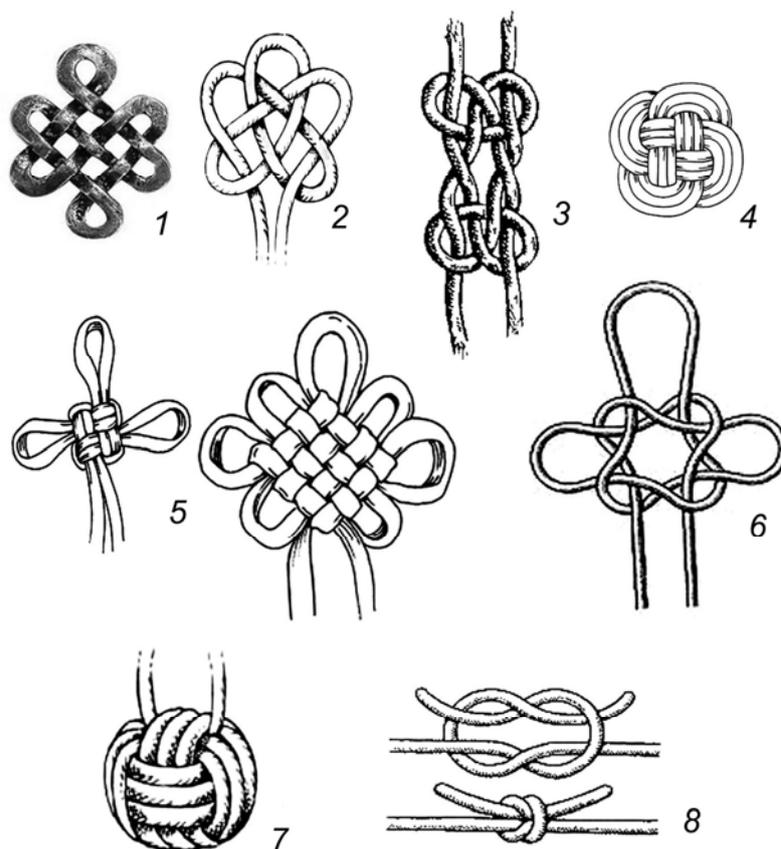

Рис. 4. Священные (магические) узлы:

1 — вечный (узел счастья); 2 — «Древо жизни»; 3 — союзный (символ супружества); 4 — турецкий;
5 — удачи (варианты узла); 6 — морской (южный или матросский) крест; 7 — «кулак обезьяны» (символ колдовства);
8 — прямой (Геркулесов)

О древности подобного способа оберега души, живущей в волосах, свидетельствуют и археологические данные. В кулайских захоронениях могильника Каменный Мыс (Новосибирское Приобье), как и в некоторых других могильниках, обнаружены бронзовые обоймы. Они встречаются и в женских, и в мужских погребениях. А.П. Бородавский установил, что внутри обойм из мужских погребений могильника Каменный Мыс сохранились остатки кожаных ремешков, а в обоймах из женского погребения — остатки волос, и предположил, что украшения использовались как наконечники, в том числе на ложные косы [1987, с. 117–120]. Поскольку данная деталь костюма (рис. 2, 8) встречается не во всех захоронениях² кулайской культурно-исторической общности, можно предположить, что она маркирует особую категорию представителей социума. Вероятно, прочие члены общества использовали в качестве амулета для волос украшения из иных материалов, которые сохраняются хуже, чем бронза.

² В могильнике Каменный Мыс из 72 кулайских погребений бронзовые обоймы-наконечники найдены в шести (11 экз.); в могильнике Шеркалы IX — в одном из шести (?) (1 экз.). Возможно, наконечниками являются две пронизки из погребения 1 Барсовского III могильника, состоящего из двух погребений. Вероятно, в рамках кулайской историко-культурной общности могут быть рассмотрены и фоминские могильники Притомья. В двух из 14 погребений Усть-Абинского могильника обнаружено три наконечника, еще два происходят из могильника Ближние Елбаны-7. Один из них найден в погребении, второй происходит из разрушенной могилы. Всего на памятнике исследовано более 30 фоминских захоронений [Троицкая, 1979; Чиндина, 1984; Борзунов, Зыков, 2003; Ширин, 2003].

Интересно, что и другие живые сущности — духи и боги — «предпочитали» в качестве подношений вещи, изготовленные в той или иной технике плетения. Чаще всего им жертвовали узкие полоски и «хвосты» из суконных лент, бахрому, платки и ленты с узлами, в которые могли быть завязаны монеты, а также одежду [Мифология манси..., 2001; Пелих, 1980; Прыткова, 1971; Гемуев, Сагалаев, 1986; и др.]. Аналогичные подношения получали и шаманские духи, что наглядно демонстрируют костюмы и атрибутика служителей культа. Кисти и полоски сукна, бисерные низки украшали одежду изображений духов-покровителей или даже служили материалом для их изготовления [Мифология манси..., 2001; Мифология хантов..., 2000; Пелих, 1980].

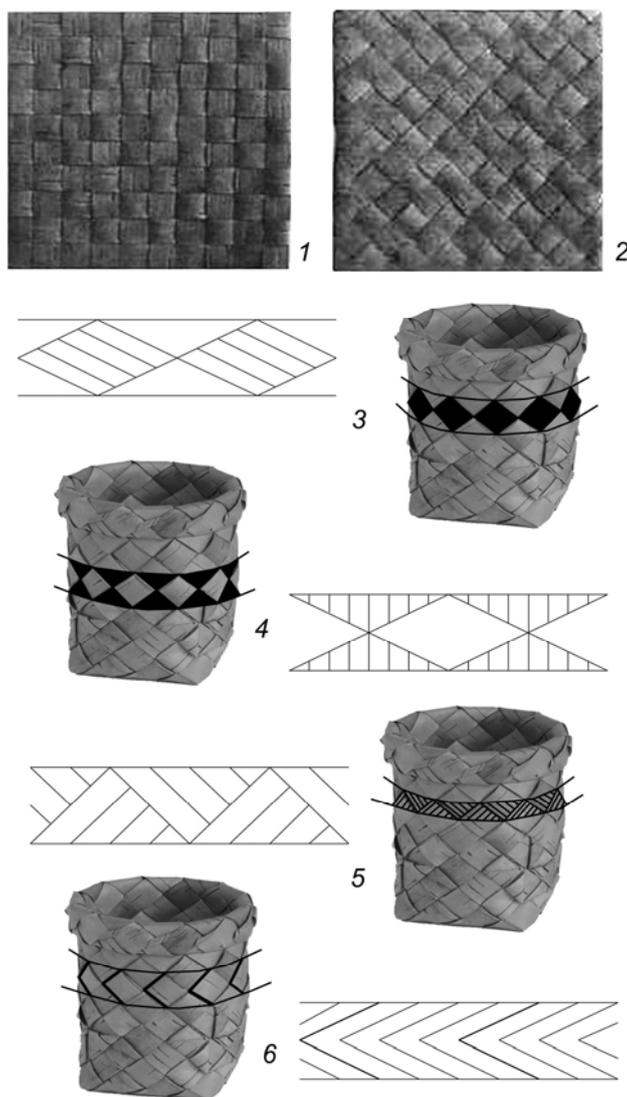

Рис. 5. Приемы плетения из бересты и узоры, возникающие на их основе:
1, 2 — технологические узоры, возникающие на основе плетения; 3–6 — орнаментальные бордюры, формирующиеся на основе зигзаго-треугольной схемы плетения

Плетеные вещи, технология создания которых связана с ритмом, повторяемостью, структурностью, обладают признаками художественных текстов, составляющих первобытное синкретическое обрядовое действо. Технологический орнаментальный узор возникает при любом способе получения текстиля. При саржевом переплетении нитей ткани можно получить сложные геометрические орнаменты, такие как ромб, квадрат, елочку и др. Вводя в ткань цветную пряжу, мастера создают цветное, узорное полотно [Глушкова, 2002, с. 107]. Цветной узор возникает в соответствии с замыслом мастера как вторичный по отношению к технологическому.

Аналогичный прием создания орнамента использовали в традиционных культурах, вплетая в циновки окрашенные стебли растений. И хотя глубокая взаимосвязь, существующая между технологическими приемами плетения и геометрическими узорами, давно осознана и неоднократно отмечалась исследователями, глубокий сравнительный анализ этих ритмизованных структур не проводился.

Изучая генезис западно-сибирской орнаментики, известный исследователь декоративного творчества О.М. Рындина положила, что самый древний этап эволюции орнаментики восходит к древней урало-сибирской общности неолита и представлен квадратно-прямоугольной структурой построения мотивов обских угров и самодийцев. На следующем этапе эволюции узорочья формируется зигзагово-треугольная структура бордюров [Рындина, 1995, с. 369–373]. А материалами, на которых зарождается орнаментальное искусство, этнограф считает мех и бересту. Причем зигзагово-треугольная структура, по мнению О.М. Рындиной, отрабатывалась на коже, в том числе рыбьей, что обосновано сложностью и дороговизной использования в качестве материалов для эксперимента меха и камуса [Там же, с. 333]. Поскольку орнаментика, особенно обско-угорская, основанная на зигзагово-треугольной структуре, имеет длительную историю, не исключено, что на каком-то этапе ее эволюции отработка узоров могла проводиться на коже. Вместе с тем данные археологии позволяют предположить и иные варианты происхождения основных орнаментальных схем.

Прежде всего, древнейшие зигзагово-треугольные орнаментальные схемы, так же как квадратно-прямоугольные, были известны в Зауралье и Западной Сибири, судя по археологическим материалам, еще в неолите [Чемякин, 2008; Старков, 1980; Зах, 2009], следовательно, говорить о том, что квадратно-прямоугольная структура западно-сибирской орнаментики предшествует зигзагово-треугольной, не приходится.

Во-вторых, обе структуры возникают как технологические узоры в процессе плетения (рис. 5, 1, 2). При этом рассечение пространства полотна на бордюры позволяет получить композиционные основы всех прерывистых угорских бордюров: ромбическо-треугольную; структуру, определяемую косым крестом; узоры, построенные на зигзаговой основе; бордюры, родственные шевронам [Рындина, 1995, с. 210, ил. 11] (рис. 5, 3–6). Аналогичным образом бордюры вычленились, например, при разрезании клетчатой ткани на ленты для костюма алтайского шамана (МАЭС ТГУ, кол. № 2632).

В-третьих, возникающие на базе зигзагово-треугольной схемы зигзаги, ромбы, треугольники, кресты, шевроны являются не только общеугорскими, но и самодийскими элементами орнамента. Они широко представлены в орнаментике древней керамики Западной Сибири. Более того, такой набор орнаментальных элементов прослеживается на обширной территории: в Сибири, Средней Азии, Кавказе, Восточной и частично Западной Европе [Рындина, 1995, с. 207–209]. Иначе говоря, перечисленные элементы не являются этнодифференцирующими. Об этом же свидетельствует использование рассматриваемого орнаментального фонда обскими уграми, селькупам и кетам при создании архаической традиции — наддверного декора, причем как в технике резьбы по дереву, так и в технике ажурной резьбы с подкладным фоном по бересте. Интересно, что оба способа декорирования применялись к конкретному кругу вещей: наддверным полосам и коробкам [Там же, с. 406–407]. Имеющиеся в нашем распоряжении фотографии наддверных берестяных полос селькупов демонстрируют узоры, аналогичные бордюрам с окаймлением на кулайской посуде (рис. 1, 5; 3).

В-четвертых, взаимосвязь древнего керамического орнаментального творчества с приемами изготовления берестяных предметов прослеживается и по другим материалам. Так, например, орнаменты на посуде боборыкинской, кокуйской и шапкульской культур рассматриваются тюменскими археологами как имитация технологических приемов сшивания бересты [Зах, Исаев, 2010, с. 9]. Не исключено, что гребенчатые оттиски по краям венчиков кулайских глиняных сосудов также могут имитировать стежки, с помощью которых в устье берестяной емкости крепился деревянный обруч. Тем более что карниз на внутренней стороне кулайских сосудов (особенно позднекулайского — саровского этапа) мог возникать при формовке венчика сосуда на обруче-основе.

К сожалению, в силу ряда причин недостаточно изучены технологические орнаменты и узоры, выполненные цветом на циновках, плетеных коробках-корневатиках, а также «вышивки» саргой на берестяной утвари. Несомненно, анализ технологических структур (в том числе тканых) и возникающих на их основе вторичных орнаментов позволит приблизиться к решению проблем происхождения и символики западно-сибирских орнаментов.

Таким образом, можно предположить, что эволюция западно-сибирского узорочья связана с технологическими приемами плетения предметов из бересты или других гибких материалов. Именно технологические приемы обработки бересты — плетение, сшивание, резьба с подкладным фоном находят аналоги в древнейших неолитических орнаментальных композициях на керамике. Хотя, как показывают исследования А.П. Бородовского [1983], нельзя исключать и возможность использования в качестве экспериментального материала кожи, однако дороговизна ее по сравнению с берестой склоняет к мысли, что предпочтительнее было доступное сырье. Тем более что орнаменты, воспроизводящие швы на кожаных сосудах, относятся к эпохе раннего железа и появляются у народов, осваивающих производящие отрасли хозяйства.

Вероятно, в представлениях древних обитателей Приобья орнаментальный знак в виде бордюра-палиндрома символизировал пространство, в котором заключена душа или духи, покровительствующие владельцу орнаментированного предмета. Целью использования орнамента являлась защита человека, борьба с силами, угрожающими его жизни и здоровью, стремление овладеть душами врагов и животных (военная и охотничья удача). Тожественность сакральных функций орнаментов и изделий, изготовленных в технике плетения и/или вязания, позволяет предположить, что технологические ритмические повторы и структуры осознавались как магические, приобретали символическое значение и переносились в виде орнаментальных знаков-символов на другие материалы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антонова Е.В., Раевский Д.С. Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: ДонГУ, 2002. Т. 1. С. 11–26.

Байбурин А.К. Проблемы изучения прагматики в архаической культуре // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 3–15.

Бонч-Осмоловская Т. Курс лекций «Комбинаторная литература, или определение, изучение и создание литературных текстов, основанных на формальных ограничениях» (МФТИ, 2005 г.) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ashtray.ru>.

Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 103–112.

Бородовский А.П. Интерпретация и некоторые вопросы ритуального значения волос в раннем железном веке (по материалам Новосибирского Приобья) // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 117–121.

Бородовский А.П. К вопросу о керамике, имитирующей швы кожаной посуды (по материалам курганной группы Быстровка 1) // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1983. С. 51–56.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культурные места XIX — нач. XX века. Новосибирск: Наука, 1986. 191 с.

Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут: РИО СурГПИ, 2002. 206 с.

Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Головнев А.В., Тучкова Н.А. Селькупы: Хозяйство // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты / Под общ. ред. И.Н. Гемуева. М.: Наука, 2005. С. 317–328.

Гусев А.В. Костяной защитный доспех населения севера Западной Сибири в раннем железном веке: Находки, аналоги, возможности реконструкции // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. 1. С. 339–340.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Прогресс: Универс, 1994. Т. 2. 912 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Прогресс: Универс, 1994. Т. 4. 864 с.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А., Исаев Д.Н. Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций в неолите Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПСО СО РАН, 2010. № 1 (12). С. 4–14.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур // Материалы всесоюз. симп. по вторичным моделирующим системам. I (5). Тарту, 1974. С. 87–90.

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 284 с.

Казакевич О.А. Северные (тазовско-туруханские) селькупы // Мифология селькупов / Н.А. Тучкова, А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич и др. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. С. 36–50.

Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: ТГПУ, 1997. 219 с.

«Заслоняющий от бед и дающий изобилие...»

- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 280 с.
- Лотман Ю.М. О семиосфере // Статьи по семиотике и типологии культуры: Избр. статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 11–24.
- Мифология манси: Энциклопедия уральских мифологий. Т. 2 / А.В. Бауло, И.Н. Гемуев, А.А. Люцидарская и др. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 196 с.
- Мифология хантов: Энциклопедия уральских мифологий. Т. 3 / В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Т.А. Молданова. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 310 с.
- Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ. 1965. ДЗ-8. 43 с.
- Панкратова Л.В. К вопросу о реконструкции одного из типов композиций позднекулайской орнаментики // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. археол. съезда. 23–28 окт. 2006 г., Новосибирск. Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 319–322.
- Панкратова Л. В. Синтаксис и семантика бордюров с окаймлением на керамической посуде кулайцев // Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 240–245.
- Панкратова Л.В. Структура и семантика орнаментальных композиций на кулайской керамической посуде // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. Вып. 2. С. 126–144.
- Панкратова Л.В. Об эквивалентности орнаментальных бордюров на культовых предметах «кулайцев» // III Сев. археол. конгр.: Тез. докл. 8–13 ноября 2010 г. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2010. С. 196–197.
- Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству: (Фетиши селькупских шаманов) // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5–70.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 350 с.
- Прыткова Н.Ф. Один из источников изучения одежды народов Сибири // СМАЭ. 1971. Т. 27. С. 101–112.
- Рындина О.М. Орнамент // Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Т. 3. 639 с.
- Селькупская мифология / Сост. Г.И. Пелих. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. 80 с.
- Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / Пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 344 с.
- Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 219 с.
- Топоров В.Н. К происхождению некоторых поэтических символов: Палеолитическая эпоха // Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972. С. 77–103.
- Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: Семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
- Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.
- Хороших П.Л., Гемуев И.Н. Берестяные изделия селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 171–185.
- Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2008. 224 с.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. 1964. Вып. В 4–12. 51 с.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. 1971. Вып. В 4–12 (2). 120 с.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: (Кулайская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 255 с.
- Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Релкинская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.
- Чиндина Л.А. Проблемы кулайской культуры: Вчера и сегодня // II Междунар. Сев. археол. конгр. (Ханты-Мансийск, 24–30 сент., 2006 г.): Докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 404–420.
- Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э.: (Погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск: ТГУ, 2001. 274 с.

Томский государственный педагогический университет
solomila@mail.ru

The author attempts to reconstruct semantics and to express a hypothesis on origin of West Siberian ornamental edgings with a bordering, organized following strict formal rules used in lingual texts on creating palindromes. It is suggested that in the perception of ancient West Siberian aborigines the edgings-palindromes symbolized space, possessing an ability to keep living entities. The ornaments were used as amulets. It is suggested that evolution of ornamental pattern being closely connected with weaving processing methods.

Ornamentation, palindrome, vital energy, weaving, sacredness.